

ПРЕЛЬЖОКАШ CONTRA МИЛОШЕВИЧ

Хореограф, известный далеко за пределами Франции, Анжелен Прельжокаш родился под Парижем в семье албанских эмигрантов. Получил классическую балетную подготовку, затем увлекся современным танцем. Основал собственную труппу, которая ныне получила прописку в Экс-ан-Провансе. На гастролях в Москве он показал свою версию балета Прокофьева "Ромео и Джульетта", когда-то поставленного для Лионской Оперы. Эта работа стала гвоздем нашего балетного сезона.

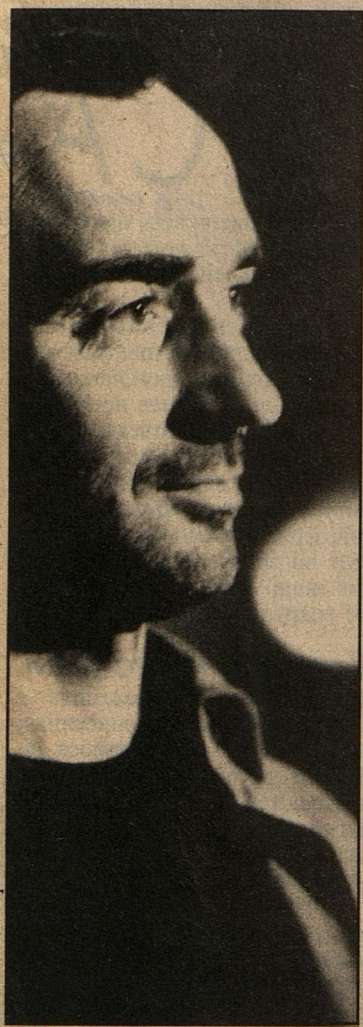

Фото Владимира ЛУПОВСКОГО

Возвращение - 1999 - 26 июня - с. 8
— Анжелен, ваша трактовка "Ромео и Джульетты" — с самолетным гулом, колючей проволокой, постовым с автоматом и овчаркой, с полицией и бомжами — протест против всякого проявления власти?

— Я даю широкое толкование Шекспира, отобрав в музыке Прокофьева самое значительное. В балете — две социальные системы: диктаторы и деклассированные элементы. Ромео и Джульетта принадлежат к разным классам. Две личности находятся в оппозиции официозу, политической машине... Понятия силы, ярости, абсолютной любви сегодня в мире обострены.

— Ажиотаж вокруг спектакля поднялся еще и потому, что поставлен он албанцем, а оформлен югославом Энки Билалем.

— Наша совместная работа лишь доказывает, что главная проблема в спектакле — не этническая, не расовая, а человеческая. Да, албанцы всегда испытывали на себе гнет со стороны сербов. Но когда я говорю "сербы", я подразумеваю Милошевича. К сожалению, я не ангел-спаситель. Я был со своим спектаклем "Ромео и Джульетта" в Белграде, когда обстановка уже становилась напряженной. С маленькой надеждой, что Милошевичу откроется весь ужас тоталитаризма. Ведь сербы очень хотели, чтобы я привез этот

спектакль. Мой балет — не атака на сербов. Я только хочу, чтобы развитие шло в демократическом русле.

— Балет поглощает вас целиком?

— Да. Я репетирую с труппой по шесть часов в день. В свободное время люблю со своими дочерьми (одной восемь лет, другой — четыре) читать, ходить на выставки.

— Ваши пристрастия в искусстве?

— Меня потрясает японский архитектор Тадао Андо: невероятно, как чистотой линий он сочетает несоединяемое — "теплое" дерево с голым бетоном... В музыке для меня два гиганта — Стравинский и Моцарт. Слушаю техномызыку. А в кино я разделяю вкусы с женой (она у меня кинорежиссер): Изабель Юппер, Роберт де Ниро.

— На прошлом фестивале в Авиньоне вы показывали премьеру "Пейзаж после битвы". Что готовите на сей раз?

— Балет "Никто не женится на медузах". В нем две темы — тело, над которым совершается насилие, и мир телевидения. Помните: если человек смотрит на Медузу Горгону, то превращается в камень. Именно это совершает с нами телевидение.

Беседовал
Александр ФИРЕР